
Мира Лиорская
Моё приданое
Тайна брачной печати
Книга вторая

Моё приданое

Мира Лиорская

Моё приданое. Тайна брачной печати

«Автор»
2026

Лиорская М.

Моё приданое. Тайна брачной печати / М. Лиорская — «Автор», 2026 — (Моё приданое)

Я умею распутывать зачарованную вышивку. Но в брачной печати Миры Сельден все стежки на первый взгляд верны — и всё же из-за неё женщина может лишиться материнского амбара.Мира не хочет уходить от мужа. Она хочет сохранить и семью, и дело, которое кормит её. Чтобы помочь, мне придётся найти старое свидетельство, разобраться в чужих расчётах и понять, кто заставил погашенный долг снова обрести силу.Дарен рядом. После всего пережитого мы наконец учимся быть супругами: спорить, строить планы, оставлять время друг для друга. Только новое расследование уже входит в наш дом, а первая уверенная догадка оказывается ошибкой.Придётся вернуться к началу. В чужой работе можно распороть неверный стежок. С людьми так не получится.

© Лиорская М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Зёрна на ладони 6
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Мира Лиорская
Моё приданое. Тайна брачной печати

Глава 1. Зёрна на ладони

Первым из сумки Миры Сельден показался мешочек с горохом.

Он зацепился завязкой за застёжку, перевернулся, и по моему столу покатились круглые жёлтые зёрна. Марта успела подставить ладонь у самого края. Я поймала одно локтем. Ещё два упали на пол, где немедленно сделались неразличимы на досках.

— Не наступайте, — сказала посетительница.

Это были первые слова, которые она произнесла после приветствия. Ни просьбы спасти, ни извинения за беспокойство. Она поставила сумку на стул, встала на колени и вытащила горошину из-под ножки стола.

— Посевной? — спросила Марта.

— Проба. Если раздавить, я потом буду думать, что его повредили при сушке.

Вторую горошину нашла я. Пришлось прижать юбку коленями и наклониться, опираясь о стол здоровой ладонью. Правая рука всё ещё не любила быстрых движений. Посетительница посмотрела на повязку, но ничего не спросила.

Мы собрали горох на чистую бумагу. Мира пересчитала зёрна, сверилась с надписью на мешочке и только тогда села.

— Теперь всё. Простите. Я переложила бумаги, а пробу оставила сверху.

— Надеюсь, бумаги не надо проращивать, — сказала я.

Она подняла на меня глаза. Рот у неё был прямой и широкий, с маленькой трещиной посередине нижней губы. Когда она улыбнулась, трещина раскрылась, и Мира тут же провела по ней языком.

— Эти, кажется, давно проросли. Только я не понимаю во что.

Её ответ дошёл до меня через шесть дней после моего письма. За это время снег у крыльца успел слежаться, потемнеть и почти исчезнуть; в саду оставались белые полосы под кустами. Мы назначили встречу заранее. Я освободила стол, закончила работу над покрывалом и поставила возле окна отдельный стул для посетительницы. Ничто из этого не помогло мне решить, что я почувствую при виде другой женщины с брачной печатью.

Теперь передо мной сидела Мира Сельден, снимала перчатки за кончики пальцев и придирчиво проверяла, не осталась ли земля на манжете.

— Мне тридцать один, — сказала она, заметив мой взгляд на верхнем листе. — В справке написали двадцать один. Я попросила поправить, но мне сказали, что для осмотра это неважно.

Я отодвинула лист к ней.

— Лучше поправим сразу. Вдруг потом решат, что приходили две разные женщины.

Она взяла перо. У Миры были короткие ногти, пожелтевшие у края большого пальца. Число она написала твёрдо, без украшений, а рядом поставила подпись. На её среднем пальце оставался след от кольца; самого кольца не было.

— Я снимаю в лавке, — объяснила она. — В щель между досками однажды укатилось. Муж три часа разбирал полку. Теперь спрашивает перед праздниками, стоит ли начинать день с разборки мебели.

Марта прыснула и сделала вид, что кашляет.

Я ещё не успела спросить о муже, а он уже перестал быть пустой фигурой из письма. Мог разбирать полки, мог ворчать перед праздником. Это следовало запомнить раньше, чем я увижу его подпись под неизвестным условием.

— Вы согласны, чтобы Марта помогала мне с описанием? — спросила я. — Она моя ученица. Заключение буду делать я.

— Если ей можно слышать о деньгах — согласна.

Марта выпрямилась.

— Можно, — сказала я. — Но только о тех, которые относятся к работе.

Мира кивнула и вынула из сумки плоский футляр, обёрнутый обыкновенной синей тканью. Рядом легли её экземпляр регистрации, письмо палаты, несколько счетов и запечатанный конверт. Она разложила всё в порядке, который явно придумала дома, и придержала рукой конверт, когда Марта потянулась освободить место.

— Это пока не нужно.

— Хорошо.

Ученица убрала руку. Мира задержала взгляд на ней, словно ожидала продолжения вопроса, потом подвинула остальные бумаги ко мне.

На футляре была свежая бечёвка, завязанная двойным узлом. Не печать. Просто человек хотел, чтобы крышка не открылась в дороге. Я дождалась, пока Мира сама распустит завязки.

Внутри лежала узкая брачная тесьма на картонной подкладке. Два заверенных имени, дата, край общего свидетельства. Шёлк не почернел, серебряная нить не вылезла из стежков. Сначала я испытала облегчение, а затем рассердилась на себя: ещё ничего не проверила, уже обрадовалась отсутствию знакомого ужаса.

— Этот экземпляр ваш? — спросила я.

— Мой. Выдали после регистрации. У Льва второй. Он похож, только наши имена наоборот.

— А вещь, с которой вы сравнивали ссылку?

— В товариществе. В Мерене. Её хранит управляющий.

— Вы её видели?

— Сначала снаружи. Потом часть под отворотом. Я нарисовала, как смогла.

Она подала знакомую копию. В первом письме линии были теснее: здесь Мира оставила промежутки между знаками, и цифры больше не наезжали одна на другую.

— Почему заглянули под отворот?

— Попросила показать, к чему относится счёт.

Вопрос оказался так прост, что я опустила глаза на бумаги, давая ей продолжить.

— За надзор. Мы платим каждый год. Лавка материнская, я привыкла. Когда мама умерла, мне сказали, что всё остаётся в прежнем порядке. Я думала, надзор — это когда проверяют, не отсырели ли стены. Стены у нас действительно смотрели. Потом прошлой зимой пришёл новый счетовод. Спросил, где хранится полный текст обеспечения. Я ответила: у меня в доме, конечно. Он посмотрел и сказал, что там личная запись, а нужна другая. Так мы до неё и добрались.

Мира постучала ногтем по футляру.

— Я вышла замуж девять месяцев назад. До того у меня не спрашивали такой записи.

— А что вам показали при свадьбе?

— Личные условия. Их я принесла. Ещё перечень имущества, там был амбар. Я спросила, не меняется ли право на него. Сказали — не меняется. Лев тоже слышал.

На последней фразе её лицо стало упрямым. Она смотрела прямо на меня, и я поняла, что спор начался ещё до приезда.

— Я не собираюсь объявлять, что вы согласились на всё, чего не прочитали, — сказала я. — Мне нужно узнать, что именно было оглашено.

Мира отвела взгляд к окну.

— В палате меня уже спрашивали, отчего я не выяснила раньше.

— И что вы ответили?

— Что раньше мне не предлагали отдать амбар.

Марта перестала писать.

Я переложила верхние счета и увидела уведомление с ровно оттиснутой круглой печатью. Бумага была плотной; сгиб протёрся сильнее, чем можно было ожидать за несколько дней. Мира много раз открывала его.

«О назначении инвентаризации обеспеченного имущества».

До указанного числа оставалось шесть недель без одного дня. Я прочла основание, затем перечень: сушильный амбар, примыкающая лавка, оборудование по старой описи. Внизу стояло имя Виктора Орда, управляющего складского товарищества.

— Это ваша лавка в Нижнем Посаде?

— Да. Белая дверь у весовой. Вы, наверное, видели. Весной на ступеньках стоят ящики.

Я видела. В апреле там продавали семена в маленьких бумажных рожках, и хозяйка терпеливо объясняла покупательнице, почему прошлогодние огурцы не обязаны иметь тот же вкус, если посадить их рядом с другой грядкой. Я не помнила лица хозяйки. Мира, вероятно, была тогда в лавке, а я прошла мимо и подумала только о том, что опаздываю к поставщику.

— Что вы должны передать после инвентаризации?

— Орд говорит — управление. До окончания проверки достаточности обеспечения. Он не называет, сколько она займёт. Я смогу приходить, только товар будет принимать их человек. И ключи у него.

Она произнесла это без дрожи. Но обе руки уже лежали на краю стола, пальцы прижались к дереву.

— Я подала возражение, — добавила Мира. — Вот отметка. Передачу пока не разрешили. Но новый договор на зимнее хранение мне не заверяют. Говорят, сначала выясните, кто отвечает за амбар. Два покупателя уже решили, что у меня гниль в стенах.

Из сумки снова появился мешочек с горохом. Мира подержала его на ладони и убрала.

— Стены хорошие. Сухие.

* * *

Письмо палаты не давало мне права вскрывать хранимый у товарищества носитель. Оно предлагало осмотреть представленные Мирой вещи и сообщить, есть ли основание для исследования оригинала. Внизу Севрина приписала от руки: «Семейное сходство номера само по себе недостаточно».

Я узнала её сдержанное недовольство чужими поспешными выводами и мысленно поблагодарила. Было бы легко положить рядом мою брачную тесьму, увидеть знакомое начало и решить, будто я уже знаю конец.

Свою тесьму я не принесла.

— Сначала внешний осмотр, — сказала я. — Без проколов, без воды. Если понадобится больше, остановимся. Вы можете смотреть рядом со мной.

— А если вы узнаете, что это такое?

— Объясню, на чём основан вывод.

— Нет. Если узнаете что-нибудь про Льва.

Я подняла глаза.

Мира выдержала мой взгляд, хотя на щеках проступила краснота.

— Мне не нужно беречь покой. Скажите мне. Только не пишите ему первой.

— Хорошо.

— Даже если решите, что так правильнее.

Марта смотрела в свой лист. Я вдруг очень ясно вспомнила чужую опись моей мастерской — правильные цифры, аккуратные строки, решение, принятое раньше моего вопроса.

— Скажу вам, — повторила я. — А потом обсудим, что требуется для работы.

Мира отодвинула стул ближе к свету.

Я вынула из коробки костяную иглу с тупым концом, но положила её в стороне. Для начала хватало лупы и деревянной рамки. Марта закрыла часть окна светлой шторой: прямой

блик мешал различать серебро. Тесьма легла на подкладку, завиток шёлка у имени Миры расправился под собственным весом.

Её имя читалось ясно. У имени мужа один узелок был чуть крупнее остальных; обычная разница нажима. Я повернула рамку. Вдоль края проходили два ряда проколов. На копии Миры второй ряд превращался в одну чёрную линию, а здесь был виден промежуток.

— Вы снимали с этого экземпляра? — спросила я, показывая на её рисунок.

— Нет. С того, в товариществе. Свою мне позволили положить рядом. Но трогать их вещь нельзя было.

— Кто рисовал номер?

— Я. Орд прочёл вслух, а я переписала. Потом попросила подержать у света. Он не хотел. Сказал, серебро осыплется.

— И всё-таки подержал?

— Подержал. Не сам. Служащая.

Мира задумалась, чуть наклонив голову.

— Вы сейчас думаете, что я могла ошибиться.

— Могли.

Она сжала губы, и я добавила:

— Я тоже могла бы ошибиться, переписывая с чужой руки в полутьме. Поэтому мне нужен не ещё один аккуратный рисунок.

Раздражение на её лице не исчезло, но стало другим. Мира подвинула к себе лист и показала две черты.

— Вот тут я точно не ошиблась. Окончание я переспросила. Оно не совпало с моим.

Мы записали её слова отдельно от того, что я видела на тесьме. Я попросила Марту оставить место справа, чтобы позже не втискивать поправки между строками.

Самой неприятной частью осмотра оказалась моя рука. Лупу я держала левой, а правой хотела придержать рамку. Большой и средний пальцы ещё слушались, два обожжённых быстро напряглись под повязкой. Через несколько минут я поймала себя на том, что стискиваю зубы.

— Марта, подставку.

Она подала низкий деревянный упор. Я закрепила рамку и убрала правую руку на колени. Посетительница внимательно проследила за этим, потом спросила:

— Вы сможете работать с моей вещью?

Вопрос прозвучал без обиняков. Я была ей за это благодарна и всё равно почувствовала укол злости.

— С такой работой — да. Долго держать натяжение пальцами пока не могу. Если потребуется операция, для которой руки не хватит, я скажу до того, как возьмусь.

— Я не хотела…

— Вы правильно спросили.

Мне пришлось произнести это медленнее, чем хотелось. Мира не обязана была доверять моей руке из уважения к тому, как я её обожгла.

Марта достала вторую рамку и положила поблизости. Я едва не велела убрать: нам пока не требовалась. Потом заметила, что ученица поставила её не для тесьмы. На неё удобно ложился мой локоть, когда я меняла угол лупы.

Мы продолжили.

Под серебряным именем Миры не было позднего прокола. Нить лежала в том же льне, который держал оглашённые личные условия. Указатель имущества уходил в узкую боковую полоску и заканчивался знаком копирования внешнего основания. Дальше на её экземпляре читался только номер.

Я провела взглядом его начало. То самое сочетание, которое знала слишком хорошо. Но следующие знаки принадлежали другой записи. Последние два Мира подчёркивала в письме.

— Пока я вижу вашу собственную тесьму и ссылку, — сказала я. — Не то, на что она ссылается. Самого расхождения здесь нет. Оно между этой вещью и другой.

— То есть ничего?

— То есть нам нельзя исправлять это место, пока не увидим второе.

Мира посмотрела на едва заметный узел возле своего имени.

— Я думала, вы скажете, что здесь чужая нитка. Что её можно вынуть.

— Чужой она может быть по назначению, а не по цвету.

Это прозвучало слишком похоже на урок. Я убрала лупу и подвинула ей рамку так, чтобы она сама различила боковую полоску.

— Вот ваше имя. Вот условие, которое вы принесли на бумаге. А здесь сказано: продолжение в другом месте. Я не знаю, что там, пока не посмотрю. Если выдернуть указатель, можно испортить и то, что вы действительно хотели сохранить.

Она долго смотрела. Потом спросила:

— А если оно уже испорчено?

— Проверим.

— Я не о вещи.

Марта перестала переворачивать страницы. Снаружи по стеклу ударила мокрая веточка; ветер дотянул её до окна и отпустил.

Я не знала, о чём они со Львом говорили вчера. Не знала, кто в их доме первым погасил свечу и кто сделал вид, что спит. Передо мной лежали серебряные имена, но в них не было ответа.

— Я могу установить, что удерживает тесьма, — сказала я. — Остальное вы расскажете, если захотите.

Мира осторожно коснулась края картона.

— Я хочу оставить амбар себе. Сначала это.

* * *

Эльза заглянула, когда солнце уже ушло с подоконника. Не принесла подноса, только спросила, надо ли задерживать человека с повозкой. Мира приехала из Нижнего Посада с соседом, который собирался отвезти мешки к мельнице и вернуться за ней.

— На четверть часа, если можно, — ответила я.

— Можно, если он согласится. У него вторая поездка.

Мира поднялась было, но я предложила закончить расчёт. Эльза обещала спросить и вышла.

Две марки за осмотр лежали у Миры в маленьком внутреннем кармане сумки, отдельно от денег на дорогу. Она пересчитала их, положила на стол и попросила расписку. Пока Марта готовила запись, я составила краткое описание увиденного: личный экземпляр не вскрывался, признаков срочной опасной нагрузки при внешнем осмотре не обнаружено, для вывода о внешней ссылке требуется оригинальный семейный носитель.

Последняя строка заняла больше места, чем я рассчитывала. Я переписала её, чтобы не пришлось читать под сгибом.

— «Не обнаружено» — это не значит, что вы обещаете? — спросила Мира.

— Не значит. Но я не вижу причины пугать вас тем, чего здесь пока нет.

Она взяла описание и впервые за всё время выдохнула так, что у неё опустились плечи.

— Мне говорили, после вашей истории лучше не держать это дома.

— Кто?

— Соседка. Она добрая. Пришла с мешком соли.

Марта подняла голову.

— Для чего?

— Я тоже спросила. Она сказала — хуже не будет.

— Соль могла бы испортить ткань, — сказала Марта прежде меня.

Мира посмотрела на неё и кивнула.

— Я убрала мешок в лавку. Там нужнее.

Мы обе рассмеялись. Недолго, но после нескольких часов над печатями смех показался почти неприличным облегчением.

Эльза вернулась сообщить, что возчик подождёт, если Мира поможет ему перенести пустую корзину до ворот. Посетительница согласилась прежде, чем я успела предложить послать кого-нибудь.

— Она лёгкая, — пояснила Эльза мне. — Ему просто не хочется возвращаться.

Я проводила Миру до сеней. Тесьму она убрала обратно в футляр, а запечатанный конверт так и не открыла. На синей обёртке остался круглый след от горошины, которую мы придавили бумагой.

У двери Мира обернулась.

— Лев хотел приехать сегодня. Я не взяла.

— Он может прийти на следующий осмотр, если вы согласны. Его экземпляр пригодится.

— Я согласна. Но вы сначала меня спросили — это хорошо.

Она натянула перчатку на влажные от мытья руки. В одну пальцы не попали с первого раза; Мира раздражённо встряхнула ею.

— Мне нужен муж, который не считает, что мы всё уже решили. Не новый муж. Не знаю, понятно ли это.

— Понятно.

Она всё-таки посмотрела на меня с сомнением. Я не стала убеждать её сильнее.

Со двора донёсся голос возчика. Мира подхватила корзину и поспешила к нему, придерживая сумку локтем. В корзине оказалась сломанная ручка; она показала на неё, возчик ответил что-то оправдательное. Они договорились нести за дно.

Я постояла на крыльце, пока повозка не скрылась за поворотом. У Миры был свой путь домой, муж, лавка и мешочек, в котором теперь снова лежало нужное число горошин. Я ещё почти ничего о ней не знала. Однако уже успела представить, как освободить её от того, от чего она, возможно, освобождаться не хотела.

— Вы замёрзнете, — сказала Эльза у меня за спиной.

— Да. Уже.

В мастерской Марта собирала рамки. Её часы закончились, и я попросила оставить протокол как есть: допишу итог сама. Она подвинула мне лист с двумя колонками.

В левой стояло то, что сказала Мира. В правой — то, что удалось увидеть. Между ними оставалось много пустого места.

— Я думала, будет страшнее, — сказала Марта.

— Почему?

— Печать. Письмо через палату. Все говорят…

Она не договорила.

— Что говорят?

— Будто вы теперь видите, кто соврал, если посмотреть на его имя в серебре.

Я так резко подняла голову, что Марта отступила на полшага.

— Кто это придумал?

— Не знаю. На кухне спросили. Я сказала, что нет. Что вы и мои записи заставляете перечитывать, потому что по почерку не видно.

— Спасибо.

Она поняла, что я не сержусь на неё, и вернулась за тёплой накидкой.

— А имя может быть правильным, если остальное неправильно?

Я посмотрела на нарисованную боковую полоску.

— Может.

— Тогда им будет трудно объяснить.

Марта ушла, а я ещё некоторое время сидела над её листом. То, чему мы учились месяц, уже превращалось снаружи в простой полезный слух. Посмотреть, узнать лжеца, вынуть чёрную нитку. Можно было даже не пачкать руки.

Я написала Севрине просьбу о порядке доступа к семейному носителю. Указала, какие вещи представлены и чего по ним нельзя установить. Второе письмо было для Миры: муж мог приехать завтра после полудня, если привезёт свой экземпляр и оглашённые условия. Мы договорились об этом устно, но время я всё равно повторила.

На улице темнело. Верховой посыльный ещё успевал в Нижний Посад до закрытия лавки; письмо в Мерен уходило утром с обычной почтой дома. Я не стала тратить отдельную поездку на вопрос, на который сегодня никто уже не ответит.

Потом закрыла альбом. Правая рука пульсировала под повязкой, и мне захотелось рассердиться на кого-нибудь вполне живого, желательно доступного прямо сейчас.

Дарен нашёлся в малой гостиной с раскрытой книгой и выражением человека, которого тоже не вполне устраивал день.

* * *

— Лекарь отнял у вас лестницу? — спросила я.

— Пока только дальнюю прогулку. Лестница ведёт себя лучше, чем дорожка у пруда.

Трость стояла возле кресла. На соседнем столике лежали хозяйственные листы, придавленные пустой чашкой, но книга на коленях была не счётной. Я узнала свой песенный сборник по оторванному нижнему уголку обложки.

— Вы нашли там средство от дурного настроения?

— Нашёл человека, который утверждает, будто может пройти сто вёрст, если его ждут.

— Во втором куплете он крадёт коня.

Дарен перевернул страницу.

— Это многое объясняет.

Я села на край длинного сиденья у камина. Он закрыл книгу пальцем, сохраняя место, и посмотрел на мою руку.

— Болит?

— Сердится.

— На меня?

— Пока нет. Но вы первый попались.

Он отложил сборник и подвинул ногой низкую скамеечку. Я положила на неё ступни, почувствовала тепло сквозь подошвы и сразу стала несколько терпимее к человечеству.

Дарен не спросил, что рассказала Мира. Я сама ещё не решила, сколько могу говорить. Мысль об этом испортила мне лицо, потому что он заметил:

— Если вы сейчас решаете, как соблюсти обещание клиентке и всё-таки пожаловаться на день, я согласен на жалобу без имён.

— Мне уже придумали новый дар.

— Какой?

— По серебряному имени определять ложь.

Он задумался с такой серьёзностью, что я почти поверила.

— Тогда Ивену придётся перестать присылать предварительные сметы.

Я рассмеялась. Дарен улыбнулся, и усталость на его лице на мгновение стала менее заметной. Ворот рубашки лежал свободно, под ним виднелся бледный остаток прежнего знака. Я всё ещё замечала его раньше, чем хотелось. Но теперь могла перевести взгляд на лицо, не считая каждый вдох.

— Вы хорошо ответили? — спросил он.

— Сказала, что дара нет.

— Очень жаль. Я уже приготовился спросить о стоимости осмотра нескольких должников.

— Для вас вдвое дороже.

— Разумеется. Семейный тариф.

Он произнёс это своим самым официальным голосом. Я пересела ближе и упёрлась лбом ему в плечо. На ткани сюртука сохранился едва заметный запах улицы: Дарен всё-таки добрался сегодня до крыльца, хотя мне об этом никто не докладывал.

Его левая рука легла мне на затылок. Несколько мгновений мы молчали.

— Пришлось сказать, что я пока не знаю, — произнесла я наконец.

— Вы часто это говорите.

— Мне это не нравится.

— Я заметил.

Я повернула голову, чтобы видеть его.

— Что ещё вы заметили?

— Когда вы сердитесь на неизвестность, у вас портятся буквы в конце строки. Первые ещё держатся.

Я хотела возразить. Вспомнила переписанное заключение и не стала.

— Вы слишком внимательно смотрите.

Дарен убрал прядь у моего виска.

— На вас — да.

От его простой серьёзности мне стало жарко. Я могла бы пошутить, вернуть разговор к бумагам, сделать вид, что причина в огне. Вместо этого обняла его здоровой рукой и поцеловала.

Он ответил не сразу — сперва осторожно переставил чашку, которую я едва не задела локтем. Я услышала стук фарфора и засмеялась ему в губы.

— Вы опять спасаете имущество.

— Последняя удобная чашка.

— Неправда. На кухне ещё есть.

— Но эта уже здесь.

За дверью прошли, разговаривая, двое людей. Мы отстранились ровно настолько, чтобы посмотреть друг на друга. Дарен хотел что-то сказать, потом передумал и снова привлёк меня к себе. На этот раз я успела положить правую руку на подушку.

Позже он попросил прочитать песню целиком. Не спеть: слуха к моему пению я у него ещё не проверяла и справедливо опасалась результата. Я взяла сборник, нашла украденного коня и дочитала до места, где его следовало вернуть хозяину.

— Развязка разочаровывает, — заметил Дарен.

— Потому что герой честно заплатил?

— Потому что конь дошёл сто вёрст и исчез из последнего куплета. Неблагодарность.

Мы придумали ему ещё один куплет. Плохо, без размера и с такой рифмой, что я отказалась записывать. Дарен настаивал, будто это следует сохранить для Ивена. Я сказала, что не стану портить репутацию мастерской ради семейной вражды.

Когда я вернулась за оставленным альбомом, в комнате пахло остывшей печью. Лист Марты лежал там же, незаполненный справа. Я собиралась убрать его под обложку, но задержалась у строки, которую раньше прочла слишком быстро.

Мира сказала: ей обещали, что право на амбар не меняется.

В уведомлении Орда было написано: право внешнего управления сохраняется.

Оба слова могли описывать одно и то же давнее положение. И всё же между ними помещалась целая лавка с белой дверью, куда скоро мог войти человек с чужим ключом.

Я не стала добавлять вывод. Подчеркнула обе строки по отдельности и вписала вопрос для завтрашней встречи:

«Что именно считали прежним порядком?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.